Прелюдия: Успехи незваного гостя

Когда за спиной захлопнулась потайная дверь, Богдан обнаружил, что не может сдвинуться с места. Его тело более ему не подчинялось — он мог лишь с ужасом наблюдать, как судорога сводит пальцы, и чувствовать, как кровь в жилах превращается в студень. Богдан знал эти ощущения, хотя и не мог поверить: его охватил ужас. Такого он не ожидал, ведь и ему самому, и всем собратьям было известно бесстрашие Богдана. Это же он поразил всех, шагнув в огонь, чтобы достать из пламени боевой шлем своего Сира. Именно Богдан бросил вызов Цимисхам, когда те пытались сломать его: что бы они не творили с его телом, им не удалось заполучить секреты братства. Богдана не смогло сломить ничто, даже самые лютые пытки. Именно он стоял в снегу перед князем оборотней, требуя у него амулет его сути.

Богдан поднял кожаный мешок с амулетом, который мог снимать защитные заклятья и раскрывать замки. Не он, а проклятый Тремер должен испытывать ужас при мысли о встрече. Богдан подождал, пока кровь вновь не заструилась в жилах, попытался пошевелить пальцами и с облегчением заметил, что способен это сделать. На мгновение прикрыв глаза, мужчина скрылся во мраке тайной комнаты.

Если Кольга и прятался где-то в продуваемом ветрами замке, он должен был быть здесь, в тайных помещениях, куда могли заходить только Тремеры-Каиниты. О нем — о Кольге — ничего не было слышно уже несколько месяцев и он, несомненно, был схвачен представителями клана, которому он столь долго притворялся верным. Богдану не нравились многие Каиниты, в том числе и его соплеменники, но отчего-то он испытывал своего рода привязанность к благородному и добродушному Кольге.

Много недель Богдан таился в Цеорисе под личиной слуги смертного мага. Как он и хотел, он смог незамеченным подслушать разговоры слуг, втереться в доверие к смертным послушникам и выследить среди них Каинитов. При этом его «господин» ничего не знал о мире Каинитов, что удивляло Богдана. В течение столетий он

слышал рассказы о великой силе волшебников, которые могли разрушать замки или заставлять двигаться деревья одним лишь движением руки. Но при этом были не в силах обнаружить Узурпаторов в своих рядах.

Стук каблуков далеко разнесся по этажам — кто-то шел по лестнице впереди него. Богдан притих и вжался в каменную стену, чувствуя грубую кладку сквозь тонкую шерсть туники. Если кто-нибудь поднимется сюда, шансов скрыться у него не будет.

Простояв так некоторое время, он не услышал никаких других звуков. Богдан быстро преодолел ступени, отделяющие его от коридора на нижнем этаже, с несколькими дверями. Хотя Богдан был хорошо знаком с общедоступными областями капеллы, ему прежде никогда не доводилось проходить сквозь тайную дверь, а потому что бы ни находилось в этих скрытых покоях, оно оставалось неведомым. Приходилось распахивать эти двери наугад, в надежде найти тюремные камеры. Они должны быть где-то здесь, в потайной части, ведь смертные маги клянутся, что в Цеорисе не держат пленников.

Богдан вновь замер, услышав странные звуки, доносившиеся из-за ближайшей из дверей — толстой, обитой железом. Он был уверен, что сможет прокрасться по коридору, не привлекая внимания. Не могут же камеры скрываться за первой из дверей, на которую наткнется незваный гость. Осторожно, не издавая ни единого звука, он прошел по каменному полу. Повернув за угол, Богдан увидел второй коридор, из которого вели такие же обитые металлом двери. Не услышав ничего подозрительного, он, подбадривая себя, решил проверить одну из них. Страх бы мгновенно улетучился, если бы все двери были закрыты, но одна из них, скрипнув, отворилась. Он приподнял лампу, освещая темную комнату. Внутри было полно Горгулий — и Богдан приготовился к жестокой битве.

Но — и он впервые за все это время позволил себе еле слышно выдохнуть — Горгульи не двигались. Они были не живее охотничьих трофеев, сваленных в чулане. Каждый нес на себе следы какого-то уродства, отличаясь от тех

живых особей, которых Богдан видел на башнях вокруг замка.

Внезапно снаружи донеслись скрежет и шелест крыльев. Две дальние стены комнаты оказались штабелями клеток, большинство из которых было чересчур малы. Богдан присмотрелся, и увидел странных существ, чьи тела словно бы состояли из слепленных вместе не очень подходящих кусков. Крыса с полупрозрачными крылышками стрекозы; пульсирующий червь, размером чуть больше кошки, передвигающийся по дну своей клетки на ножках из человеческих языков; траурно-черный голубь, на груди которого гноем истекали женские гениталии. Эти создания напоминали кошмарные творения меняющих плоть Цимисхов, Богдан видел таких прежде, но в чем-то, для чего он не мог найти слов, они радикально отличались: извращенная мозаика, рожденная из куда более холодного безумия, чем у Цимисхов. Кольга мог бы это объяснить. Он найдет Кольгу, и все будет в порядке. Ему стоило бы покинуть эту комнату, чтобы отыскать Кольгу — здесь явно не было никаких камер — но он не мог оторвать глаз от клеток, убеждая себя, что братьям могут понадобиться тайны этой комнаты.

Одна из клеток была прикрыта куском ткани в пятнах ржавчины. Богдан сорвал ее и тут же проклял себя за неосторожность. Чудовище внутри было изготовлено из двух задних частей волков, которые, слепленные вместе посередине, представляли собой брыкающуюся, безголовую колоду. Дюжины острых позвонков торчали из голой розовеющей шкуры; когда же они открылись, Богдан понял, что в действительности то были клювы бессчетного числа птиц, которые тут же начали чирикать. Богдан рванулся к двери, чтобы увериться, что никто не услышал поднявшегося шума, но что-то в чудовищных звуках заставило его остановиться. Среди скрипящей какофонии он различал слова родного его сердцу языка. Он услышал имена своих отца и матери, давно потерянных детей, и почувствовал дрожь. Затем слова изменились, напомнив обо всех моментах, когда Богдан испытывал страх, боль, мучения. Они называли по имени те ужасы, которых, как он убеждал себя, он никогда не знал, они сокрушили его отвагу, крича о тех кошмарах, которые он заставил себя

забыть. Пронзительные крики существа заставили его страхи воспрянуть и ввергнуть во власть Зверя.

* * *

Богдан очнулся и понял, что прикручен к стулу в залитой мутным светом камере — со скованными впереди руками и ногами, прочно привязанными к ножкам табурета. Он попробовал на прочность свои узы, но его прервал вкрадчивый голос женщины, вошедшей в комнату.

Она подошла ближе. Богдан видел ее красоту: точеные черты прекрасного лица и кожу, словно напоенную сиянием. Плавные линии белоснежного платья напомнили Богдану о монастырских порядках. Она наградила его голодным взглядом, который он прежде видел на лицах захватчиков — те тоже думали, что пары безумных взглядов и красноречиво расписанных угроз будет достаточно для того, чтобы он предал братьев.

«Меня зовут Мендакамина. Я хочу узнать, кто тебя послал и зачем».

Поначалу они все такие самоуверенные.

«Я не обещаю сохранить тебе жизнь», продолжила она. «Мы оба прекрасно понимаем, что такое обещание было бы глупой ложью. Но ты можешь избавить себя от боли».

Богдан хранил молчание, так как знал, что это лучший способ вызвать разочарование.

«Ты научился закрывать свой разум от похитителей мыслей», прорычала она, сверкнув глазами в свете лампы. «Но я знаю, как тебя зовут, Богдан, знаю, что ты пришел сюда, чтобы спасти кого-то, и что ты мнишь себя бесчувственным к моим уговорам. Это всего лишь от недостатка воображения, поверь мне. Твой разум и представить себе не может те пытки, которые я могу придумать. Цимисхи и то, что они делали с тобой, покажутся булавочным уколом по сравнению с моими возможностями.»

Богдан был поражен тем, как глубоко она смогла проникнуть в его сознание. Но то, что ей действительно хотелось узнать, было надежно защищено, скрыто под слоями воли и концентрации.

Она провела по его лицу сухими пальцами. «Ты гордишься своим бесстрашием. Но птенец разрушил стены твоей смелости, как трубы иудеев — стены Иерихона».

Богдан подумал, что пришло время задавать вопросы. Раз уж не удалось найти Кольгу, то можно хотя бы выудить какие-нибудь полезные знания, с которыми не стыдно будет вернуться к братьям. Естественно, побег неизбежен. «Что это было за чудовище?», спросил он.

Мендакамина улыбнулась и отошла на шаг. «Безделушка, слепленная моим коллегой. Ее вечные эксперименты с природой всегда забавляют и порой даже оказываются полезными. Я обнаружила, что ее птенчик может прекрасно расслабить чересчур возгордившийся разум.»

Богдан слышал, как за спиной что-то двигалось, но не мог повернуть голову, чтобы увидеть, что именно. Он слышал как минимум четыре человека кряхтят, будто поднимая что-то тяжелое. Затем раздался скрежет — какой-то увесистый металлический предмет тащили по полу.

«Он ввергнул меня в безумие крови, это правда. Но сейчас я спокоен. И, скажу тебе, какие бы пытки ты ни готовила, ничто не заставит меня говорить.»

Слуги Мендакамины наконец подтащили аппарат так, что он попал в поле зрения Богдана, — большой ящик, окованный бронзой и покрытый колдовскими символами. На несколько дюймов вперед выступало колесо, размером с щит пехотинца. Мендакамина подошла к ящику и вытащила из него длинную бронзовую трубу, состоящую из множества деталей. Грубые руки ухватили Богдана за лицо, заставив повернуть голову и открыть шею. Он слышал голоса, в комнате были другие люди, стоявшие в тени. И там, вне падавшего из лампы круга неверного

света, они творили магию. Богдан почувствовал, как что-то влажное присосалось к затылку, его глаза наполнились слезами от боли, что расходилась кругами от этой точки. Он чувствовал, как плавится его плоть.

«Ты желал добыть сведения, которые мог бы принести своим братьям. Раз уж ты никогда их больше не увидишь, я позволю тебе немного у меня поучиться. Трубка, которую я держу, называется *каннула*. А это…» — она показала ему острое треугольное лезвие, прикрепленное к концу трубки, — «это *трокар*. Вместе они позволяют мне извлечь из человека жидкость. Большое устройство», — указала она на ящик, — «сделает из твоего мозга вязкую жидкость». Прищелкнув пальцами, она велела зажечь огни, слуги немедленно повиновались. В ярком свете стал виден стол, на котором возвышался шар, скрытый под слоями крашенной льняной ткани. «Как ты можешь теперь видеть, вторая трубка идет от аппарата к этому столу, где ожидает пищи тот, с кем я хочу тебя познакомить, Богдан.» Она одним движением сорвала материю с предмета, открыв глазам трехфутовую бронзовую голову, с шарнирной челюстью и плавающими в стеклянных глазницах выпученными глазами из слоновой кости. Богдану показалось, что голова улыбнулась ему. «Это Парацельс и он жаждет попробовать твой мозг. Ты прав, Богдан, я не в силах заставить тебя заговорить. Но Парацельс будет говорить за тебя».

Она приближалась, сжимая трокар в руке и готовясь вонзить его в затылок Богдана.

Введение: Дом, несмотря ни на что

Осажденная Капелла

Цеорис фактически является символом Дома и Клана Тремер — дерзких заговорщиков среди смертных магов Европы и наглых похитителей тьмы Каинитов. Его возведенные магией стены, горделивые башни и неприступный фундамент являют собой силу магов крови, укрывающихся внутри. Замок расположен в самой труднодоступной части Трансильвании. Пугающие создания ночами крадутся близ его стен, каменные чудовища перелетают с башни на башню и эхом отдаются

крики в мрачных залах. Цеорис — свидетельство желания Тремеров не впустить хищников внешнего мира внутрь, туда, где скрыто их собственное зло.

И злом, и хищниками изобилует эта земля.

Враги вокруг

Недавно появившиеся на сцене театра Каинитов Тремеры умудрились в мгновение ока обзавестись множеством врагов. То, что они присвоили себе дар вампиризма и что их основатель совершил диаблери над Саулотом, заклеймило их как Узурпаторов, могущественных и опасных. Некоторые открыто пытаются уничтожить их, в то время как другие надеются получить от их появления определенные выгоды.

Карпатские злодеи

Самые безжалостные враги Цеориса — это воеводы Цимисхов[1], что правят ночами Трансильвании. Эти древние монстры испытывают ожесточенную ненависть к Узурпаторам, ибо именно у них Тремеры похитили секреты вечной жизни. Но оскорбление лишь подогрело пламя ненависти, что уже разгорелась в пламени гордыни и споров за территорию. Необходимость делить свои земли с наглыми, но презренными смертными волшебниками будила ярость Цимисхов, и превращение чародеев в вампиров только подстегнуло конфликт. Цимисхи знают, что Цеорис является неприкрытым оскорблением для них, доказательством того, что они не столь могучи и всевластны, как заявляют. Лишь полное уничтожение одной их сторон окончит эту войну.

Кланы Каина

Другие Каиниты, как в Восточной Европе, так и в других частях света, не столь мстительны. Хотя Гангрелы и Носферату также пострадали в темницах Цеориса, и многие горят желанием отомстить за Саулота, вампиры в своих действиях руководствуются практичными соображениями. Тремеры оказались уместны в текущей ситуации — жажда власти и напористые действия,

свойственные им, как в зеркале отразились в других кланах — и многие князья и старейшины с приязнью принимают это. Если Узурпаторы ослабляют и раздражают Извергов, то это только к лучшему.

Более важен тот факт, что Тремеры оказываются полезными в некоторых иных аспектах. Они обладают новым видом магии крови и, судя по всему, готовы использовать ее в обмен на небольшие услуги. Будучи новичками в путях Каинитов, они достаточно легко подаются манипуляции. Установить с ними контакт, использовать их лучшим образом, а затем уничтожить изнутри представляется наилучшим вариантом. Прямые военные действия — это крайняя мера. И, в любом случае, Саулот и его потомки действительно чересчур возгордились...

Грозный Купала

Самый воздух Трансильвании несет плохие предзнаменования, словно сухие листья по ветру. Ночи здесь темнее, грозы злее, а зимы холоднее, чем где-либо еще. Друзья становятся врагами, а оскорбления отделяет от жестокой расправы лишь один шаг. Милость Господня и не появлялась в этой земле. И хотя лорды Цимисхов и ненависть простых людей сыграли значительную роль в создании местной мрачной атмосферы, в первую очередь она вызваны инфернальным влиянием. Купала, древний демон, наполнил своей черной аурой Трансильванию и окружающие земли. Она питается гордыней и жаждой власти, поощряет темные магические искусства и иные ужасающие занятия, постепенно превращая тех, кто практикует их, в своих последователей. Маги Дома Тремер, полные гордыни и желания править, — идеальные кандидаты.

Корень Всего и Звезды-надо-Всем

Сквозной темой, упоминающейся в данной книге, являются два могущественных и завораживающих существа: Корень Всего и Звезды-надо-Всем. Они покоятся

в основании Цеориса и на протяжении столетий связываются с разными магами, поощряя предательство и жажду власти. Образы этих существ манипулируют гордыми магами на пути к вечному проклятию.

Природа этих сущностей намеренно оставлена неясной. Наиболее простой и канонический ответ на вопрос об их происхождении — это представление о Корне Всего как о демоне Купале, а о Звездах-надо-Всем как об Антеделувиане Саулоте, каждый из которых по каким-то собственным причинам толкал Тремеров к вампиризму, а мир к Геенне. Подробная информация об этих планах раскрывается в «Transylvania Chronicles». Но существуют и другие возможности, на которых вы можете основывать вашу хронику. Они могут оказаться просто отстраненными духами, стремящимися к власти, они могут оба быть Купалой или Саулотом, сам Тремер или другой вампир мог скрыться под их обличьем, чтобы лучше контролировать своих потомков.

Орден Гермеса

Дом Тремер, до своего низвержения в вампиризм, был одним из основателей ассамблеи смертных магов, известной как Орден Гермеса. Сейчас Тремеры неустойчиво балансируют между миром дня и миром ночи, влезая в дела Каинитов, а равно пытаясь притвориться сохраняющими человечность перед своими бывшими коллегами. Некоторое время обман продержится, но подозрения все растут, и Узурпаторы ясно понимают, что новый могущественный враг в сложившейся критической ситуации им вовсе не нужен.

Соперники внутри

Хотя стены Цеориса содрогаются от вражеских атак, это, пожалуй, является единственной силой, что скрепляет камни капеллы воедино. Волевые, амбициозные и эгоцентричные, маги Дома Тремер стали только хуже, когда Проклятие Каина изменило их. Личное соперничество по-прежнему в порядке вещей, забываемое лишь при атаках Цимисхов и немедленно возобновляемое

в мирные моменты. Несмотря на это, внутри капеллы и Дома в целом формируются определенные фракции.

Консерваторы

Ведомые Этриусом, нынешним хозяином Цеориса, так называемые консерваторы — это те Каиниты-Тремеры, что голосуют за постепенное обращение остального дома. Они опасаются вызвать ярость Ордена Гермеса, открыто демонстрируя свой вампиризм, и поэтому стремятся к осторожности. Хотя консерваторы являются наиболее могущественной фракцией в Цеорисе, основа их идеологии оставляет желать лучшего. Личная лояльность к Этриусу и неприязнь к его сопернику Горатриксу — единственные нити, связывающие их.

Конспиратисты

Конспиратисты — это обратная сторона консерваторов. Горатрикс, создатель Цеорис, привел их из Парижа, куда был отправлен Тремером. В Трансильвании его интересы представляет Малгожата, его дитя и ученица. Конспиратисты настаивают на быстром Обращении оставшихся смертных магов Дома Тремер. По их мнению, необходимо немедленно проникнуть в сферу действий и отношений Каинитов, оставив смертных и их бессмертные души позади. Куда сильнее, чем у консерваторов, сплоченность конспиратистов основывается на личной харизме. С осторожностью Этриуса контрастируют активность и амбициозность Горатрикса, и многие Каиниты считают, что будущее за ним. Только пассивное стремление Тремеров соблюдать предосторожность заставляет соратникам Горатрикса скрываться, а не действовать активно.

Независимые

Не являясь собственно отдельной фракцией, независимые маги представляют собой большинство Каинитов и смертных чародеев в Цеорисе. Этот замок является главной капеллой Дома и средоточием его силы, таким образом многие воспринимают работу здесь как подтверждение своего превосходства. Участвовать

в междоусобице Горатрикса и Этриуса — бессмысленная трата времени в то время, когда идет война, а впереди открываются широкие перспективы в сфере магии. Каждый маг представляет себе поле собственных исследований, наиболее заманчивые возможности и наименее затратный путь к ним. Таким образом, большинство чародеев затаилось в своих лабораториях и сталкивается по вопросам личного неуважения куда чаще, чем по идеологическим причинам.

Смертные

Об этом мало что известно, но смертные маги Цеориса — и Дома Тремер в целом — представляют собой постепенно сокращающееся меньшинство. Многие в Цеорисе увлечены своими лабораториями и библиотеками и предпочитают не обращать внимания на крадущиеся ночные тени. Инстинктивное понимание хищной натуры Каинитов предостерегает многих от излишних вопросов. Но некоторых смертных не так-то просто устранить. Например, Тосия, могущественная волшебница, ревностная христианка, заметила следы инфернальности в ночной активности своих коллег и готовится к принятию мер.

Слуги и рабы

Большинство жителей Цеориса вовсе не являются магами. Это солдаты и наемники, горгульи — чудовища, созданные для ведения войны, — слуги и ученики. Когда ситуацией руководят старшие, слуги не стоят малейшего внимания, но даже они начали замечать происходящие изменения. Горгульи -новая линия крови, которая только делает первые шаги на пути к подобию свободы. Смертные слуги вполне свободны, но лишь до того момента, пока не выпьют специальное карминовое зелье из рук какого-нибудь мага...

ПРОПУЩЕН КУСОК: КАК ЧИТАТЬ ЭТУ КНИГУ

Глава 1: Древняя порча

Откровение

Посмертное сообщение Понтикулуса, бывшего Мага Цеориса

Битиургий!

Как это странно — вновь обладать плотью... чувствовать перо в руке, кресло, в котором сижу... проводить ладонью по поверхности стола. Я испытываю радость и опьянение, но не эти чувства стали причиной, по которой я захватил твое тело и для чего держу перо в твоей руке, мною одолженной. Я уже ощущаю, как ты борешься со мной, но должен написать еще многое.

Хотя моя смерть наступила много раньше твоего рождения, Битиургий, ты хорошо мне известен. Я наблюдал за тобой, не удивляйся. Знай, что Цеорис полон внимательных глаз, и нет среди них двух пар, чьи владельцы стремились бы к одной цели. Мои же глаза принадлежат печальной и беспомощной тени. Я вижу, что творится в этой выгребной яме, полной слепоты и губительных амбиций. Я наблюдал за тобой достаточно, чтобы знать, что за напыщенностью твоего лица и ярким нарядом скрыты острый ум и жажда правды. Я буду писать, пока твоя рука не перестанет двигаться, и буду кормить тебя правдой, пока ты не запросишь пощады. То, что я расскажу, поразит тебя, Битиургий, но не позволяй страху или осторожности удержать тебя от совершения необходимого. Из всех пока еще живых магов именно ты — моя единственная надежда. Я знаю, что ты куда более привязан к этой земле, чем глупая, хватающаяся за крест Тосия. Несомненно, ты понимаешь, что письмо, которое я пишу твоими собственными руками, является большим, чем каким-то посланием от назойливого беса или демона. Изучи те сведения, что я сообщаю тебе, Битиургий. Узнай правду. Действуй, я заклинаю тебя. Чудовищ еще возможно уничтожить, пока не стало слишком поздно.

Да, и твоя рука не ошиблась, написав "пока еще живых", Битиургий. Читай, и я объясню тебе все.

Освящение: 980 год от Рождества Христова

За двадцать лет до окончания тысячелетия, семеро собрались в диких горах центральной Трансильвании. Мужчины и женщины сошли с ухабистой тропы на голый камень. Я помню, как сумерки затопили небо, скрывая распухшее солнце, поглотив залитые оранжевым сиянием облака. Но, несмотря на всю странность момента, это было прекрасно, ибо то был последний раз, когда я мог наслаждаться чарами природы.

Наша стража, проводники и слуги оставались поодаль, придерживая лошадей. Всего их было около двух дюжин, как я припоминаю. Мне было несвойственно обращать особое внимание на подчиненных, и в тот момент я не заметил бы их страха. Сейчас, многие часы следя за человеческими слугами Цеориса, наблюдая за их страстями и рутинной работой, я мог бы понять. Они боялись, и это было правильно. За годы службы нам они слышали и видели многие тревожные вещи. Как и те женщины, что моют сейчас твою посуду, как и те мужчины, что охраняют сейчас наши стены, они считали, что мы — лишь эксцентричные и требовательные хозяева. Немногие из них были рождены в Трансильвании, но к этому времени они уже достаточно сжились с этой землей, чтобы бояться проводить ночи в открытой пустоши. Жестокие и опасные существа, посланные на землю Дьяволом, охотились среди холмов и долин. Слуги понимали, что мы не станем тратить нашу силу для их защиты, если эти создания появятся здесь. Напротив, это они будут защищать нас до самой смерти.

И отчего должны были мы, стоявшие на камнях, запахнувшись в плащи, беспокоиться за судьбу простых людей, которых так легко заменить. Даже тогда мы уже прожили сотни лет, наша сила была основана на мистических ритуалах и подпитана алхимическими зельями. Мы были магами, чудодеями, чья власть над секретами волшебства позволяла подняться над законами природы, включая и закон старения. Нас вел высокий

человек с угольно-черными глазами: Тремер, глава нашего Дома, тот, кто когда-то практически смог стать повелителем всех магов Европы. Рядом с ним стояли его ближайшие помощники — пылкий Горатрикс и осторожный Этриус. Напротив него стояла безмятежная, спокойная Меерлинда. Завершали круг семи Арундинис, чей рок свершится прежде, чем начнется следующее столетие, Ангвиза, что не переживет следующей весны, и Понтикулус, которому оставались минуты жизни.

Это был я — Понтикулус. В тот день, когда был основан Цеорис, я погиб. И с тех самых пор я пленен в его стенах.

Ритуал

Горатрикс исследовал эту местность, разработал ритуал и выбрал день осеннего равноденствия как наиболее благоприятный момент для освящения. На этом месте мы должны были воздвигнуть Цеорис, бесценный бриллиант в цепи часовен, которые Горатрикс разместил по всей Трансильвании. Вся территория была полна висы, сырого материала, что мы используем как энергию для нашей работы. (Прости, Битиургий, что я пишу о вещах, давно тебе известных, но, быть может, ты решишь оставить это листки пергамента кому-то, не знакомому с нашей деятельностью.) Это место, как рассчитал Горатрикс, открыло бы нам самую обильную жилу. Когда он вел агатовым маятником над картой области, тот задрожал и замер над этой точкой.

Нападения на деревни, что поддерживали другие наши капеллы, участились за последние месяцы. Очевидно было, что за этим стоят дьявольские отродья. Чтобы сохранить великую мощь, которую мы могли обрести в этом месте, были нужны экстраординарные меры защиты. Скорее крепость силы, чем башня познания, база, с которой мы смогли бы управлять зачарованными землями на сотни лиг вокруг. Такое сооружение удовлетворяло амбициям нашего лидера Тремера, а равно и нашим.

Но сперва место необходимо было освятить. Когда на небе погасли последние лучи солнца, Горатрикс начал ритуал. Он достал из мешка золотой жезл и разделил его

на семь кусков. Затем передал по одному куску каждому участнику ритуала, вручив навершие посоха Тремеру, своему господину. Горатрикс раскрыл кубок сфер, наполнил его древним вином, которое было найдено в Рунку, смешал с ним соль Тота. Затем передал чашу Тремеру, который, отпив из нее, вернул ее обратно. Горатрикс сделал глоток и передал напиток Этриусу, и далее, пока все семеро не приняли зелье. Он подал знак своему слуге, что был наготове, и прочим слугам, чтобы те отвернулись, что они тут же и сделали. Мы сбросили свои мантии, подставив обнаженные тела иссушенному солнцем ветру. Горатрикс вопросил, желает ли кто-либо из присутствующих принести сейчас большую жертву, нежели он сам. Мы знали, что не стоит противоречить ему, что вопрос был частью ритуала. Он должен предоставить то, что станет корнями, семенем и стволом великого древа, которому суждено было стать Цеорисом. Он пробудит силу axis mundi, мистического мирового древа, что является центром Вселенной.

Тремер передал ему серп. Горатрикс взял его в правую руку, а левой рукой взял себя между ног. Очевидно, он полагал, что одного режущего движения серпом хватит, чтобы отсечь фаллос. Но потребовалось большее. Плоть не всегда уступает стали. Горатриксу пришлось его отпилить. Когда он нанес себе первый порез, кровь хлынула фонтаном, оросив и Меерлинду, и Этриуса, и Тремера, и всех остальных. Я все еще помню теплые капли его крови, разбрызгавшиеся по моему животу. Никто из нас даже не вздрогнул. Мы знали, что Горатрикс обладает магией, которая позволит ему в скором времени вырастить фаллос обратно. И, должен признать, так или иначе мы все уже пострадали от наших темных ритуалов, изучая самые темные страницы наших книг. Более важно было то, что мы знали, что любое проявление чувств, любое нарушение произносимого заклятья будет пагубным для магии. Горатрикс скривился, пытаясь взять себя в руки, отсек оставшееся и поднял отрезанное в руке, чтобы мы могли его увидеть. Корчась от боли, он возложил его на нужное место.

Затем... затем последовал мой позор. Возможно, именно он спас мою душу. И несомненно, в обмен он подарил мне чудовищное существование.

Я сделал то, чего не должен был позволять себе сделать никогда. Я не смог удержать себя под контролем. Я помню, как это чувство поднималось во мне, я помню желание его подавить, сдавить себе горло. Слезы выступили на глазах. Мои колени подвели меня, и я упал, опорожняя желудок. Желчь полилась из моей гортани. И уже тогда я понял, что они должны сделать, дабы не позволить моей слабости навсегда осквернить это место. Ни мгновения я не полагал, что меня пощадят.

Должно быть, Тремер кивнул Горатриксу, отдавая безмолвный приказ совершить то, что уже было неизбежно. Несмотря на рану, Горатрикс нашел в себе силы шагнуть ко мне и тем же серпом, которым он оскопил себя, перерезать мне горло. Я зажал рану руками, но видимо, когда я ослабел, одна из моих рук откинулась, ведь последним, что я увидел перед смертью, была моя ладонь, скользкой от алой крови.

Несмотря на всю свою ненависть к ним, я не могу не признать, что моя смерть тяжким камнем опустилась на их души. В ту пору они еще не настолько привыкли к убийствам. Арундинис и Ангвиза без лишних слов достали ножи из карманов сброшенных мантий и принялись за работу над моим беспомощным телом. Ножи, предназначенные для ритуалов, не слишком уверенно справлялись со своей задачей. Остальное я видел уже с высоты; я наблюдал за тем, как они резали мою плоть и рубили кости.

Этриус провел оставшуюся часть ритуала. Он выступил в центр круга и высыпал из мешка землю с Крита. Дождавшись, пока Арундинис и Ангвиза закончат свое дело, он поднял мою отрубленную голову за волосы и положил в центр земляного холма.

Сомнение отразилось на лице Этриуса. Куда поместить фаллос Горатрикса теперь, когда моя голова должна быть также похоронена в холме? Этриус молча изучал лицо

Горатрикса; никому не было позволено говорить. Этриус должен был решить сам.

Отчего он сделал такой выбор? Я никогда не был знатоком тайных мыслей людей. Все, что я могу точно сказать, это что Этриус пальцами раздвинул мои челюсти… Этот викингский ублюдок с насквозь прогнившей душонкой засунул член Горатрикса в мой рот и закрыл его. Он забросал землей мою голову, затем шестеро оставшихся завершили заклятие. Они вновь надели мантии и Этриус громко кашлянул. Услышав сигнал, слуга Горатрикса подал знак остальным. Арундинис и Ангвиза отвели Горатрикса к палатке, где Меерлинда чарами остановила кровотечение и начала процесс восстановления.

Однако же то, что я остался там, будучи лишь едва видимой тенью, не было случайностью. Книги, хранимые орденом, говорят, что многие из нас порой ускользают из мира живых, но то, что я столько столетий остаюсь таковым, показывает, какие силы пришли в движение той ночью. Поместив член Горатрикса в мою отрубленную голову, Этриус привязал меня к этому месту. Этот зарывшийся в книгах черт будет пытаться доказать свою невиновность, но не верь ему, Битиургий. Он стал правой рукой Тремера благодаря своему коварству и предательствам, так же, как поднимались другие из нас. Он хотел, чтобы я не исчез полностью, а стал расти, возможно, как его шпион или раб, или просто для его удовольствия. Не верь ему, никогда.

Возведение

Подготовка началась ранней весной. Все это время мой дух наблюдал, как группы слуг прочесывают горы, исследуя и нанося на карту естественные пещеры. Строители и минеры советовались с Горатриксом, который был еще более мрачен этой зимой, чем обычно, второй раз переживая пубертатный период. Они вместе разрабатывали детали самого величественного инженерного плана со времен падения Рима. Горатрикс хотел прочности и приземленности, он хотел создать бастион против ночных существ, наполнить его закаленными в боях воинами, укрепленными стенами,

опускающимися решетками, ямами и смертельными ловушками.

Я же нашел себе новый дом, в крошечном семечке под землей. Пришла весна. Семя проросло. И вновь я обладал формой, хотя и не человеческим телом.

Однажды Горатрикс пришел с Арундинисом и Ангвизой, чтобы убедиться, что знак был явлен. Если пророчество оказалось верным, сотни уже собравшихся рабочих должны были начать работу. Свежий побег должен был прорасти на том месте, где они закопали мою голову. Я смог их поразить и наслаждался выражением удивления и ярости на их лицах. Я уже был огромным деревом с ветвистой кроной, полной маслянистых изрезанных листьев. Они подошли ближе и увидели вытравленные на коре искаженные черты моего лица. Я открыл недавно прорезавшийся на моем стволе рот, капая соком, словно слюной, и приветствовал их, говоря, что не стоило делать ставку на то, о чем они не имели никакого представления. Я чувствовал, как сущности Звезд-надо-Всем и Корня Всего пробуждались среди моих темных корней. Я был уже готов назвать их имена, но Горатрикс поджег дерево заклинанием. Я ударил в ответ, мои ветви пронзили грудь Ангвизы, прежде чем Горатрикс и Арундинис убили меня во второй раз. Вновь я был низвержен до состояния жалкой тени. Я слышал, как Горатрикс заклинал Арундиниса сохранить в тайне случившееся. Он отыскал другой росток и пересадил его туда, где совсем недавно возвышалось мое древо.

СТРОИТЕЛЬСТВО 981-985

На протяжении примерно пяти лет я наблюдал, как они завершали постройку. Словно крошечные муравьи, полчища каменщиков, плотников, рудокопов, дровосеков, кузнецов, резчиков и разнорабочих трудились под бдительным оком инженеров Горатрикса. И как всегда, все они были простыми людьми, недостойными внимания горделивых магов.

Когда время освящения подошло, Этриус приехал проинспектировать стройку и, как бы не проявляя лишних эмоций, оценить методы управления, использованные его соперником. Я видел, как сердится Горатрикс. Но обратил ли на это внимание Этриус? Он всегда был холоднее рыбы в подводной пучине, даже когда в его венах еще текла его собственная кровь. Понять его сокровенные мысли всегда было сложно. По просьбе Этриуса Тремер дал ему позволение магическим образом усилить защитные сооружения Цеориса. И он сотворил огромную трещину в земле, прорезав глубокий ров вокруг горной крепости Горатрикса. Как всегда, скромный помощник продемонстрировал способности, превышающие возможности других.

Когда здание было закончено, Горатрикс и Этриус просмотрели список наемных рабочих, трудившихся над постройкой. Они отобрали тех, кто знал о новой крепости слишком много. Самым сентиментальным магам Дома было сказано, что память строителей всего лишь сотрут, и те очнутся в родных землях, словно от долгого сна, и будут удивляться, найдя золото в своих карманах.

Горатрикс и Этриус убили этих строителей. Остальным было позволено поселиться в деревнях вокруг Цеориса. Маги пообещали им плодородные земли и защиту со стороны замка. Те, кто не оценил привлекательности предложения, также были убиты. Для некоторых, надо признать, момент смерти наступил не сразу: они скончались много лет спустя, на лабораторных столах Тремера или Горатрикса. Полагаю, те пытались создать гомункулов из органов человека. (Ты должен знать, что какое-то существо по сей день укрывается среди сосен, окружающих Цеорис. Я лишь едва замечаю их, так как они слишком далеки от основания замка, к которому я прикован. И вой его напоминает мне о давних криках, оставшихся в далеком прошлом. Ты должен найти его, Битиургий, так как оно может оказаться сбежавшим гомункулусом, что жаждет свести счеты. Он может послужить доказательством моему рассказу или поведать тебе о секретах, к которым даже я не имею доступа).

РАННИЕ ГОДЫ 980-999

Тремер не пожелал поселиться в своей новой капелле. Верный своим привычкам, он продолжал перемещаться от одного анклава к другому. И хотя Горатрикса назначили правителем Цеориса, Этриус был оставлен рядом с ним. Соперничество между ними распространялось, подобно чуме. Горатрикс, прежде проявлявший неподдельный интерес к плотским наслаждениям, обычно несвойственный магам, теперь спал в холодной кровати. По всей видимости, его восстановление шло не так успешно, как он бы того желал. И он непрестанно бормотал об этом, оставаясь в одиночестве, винил Этриуса в своем жалком состоянии. Ведь если бы тот не поместил член в рот моей головы, все было бы намного лучше. Этриус немногим мог облегчить волнение Горатрикса, постоянно отчитывая того за горячность — ведь меня в бесплотную тень, а Горатрикса в евнуха превратило одно поспешное движение серпа. Тем временем в замок въехали другие маги Дома Тремер. Некоторые из них пытались поддерживать добрые отношения с обоими, другие с энтузиазмом принимали сторону кого-то из соперников.

На протяжении следующих пятнадцати лет Цеорис периодически переживал нападения сил, которые мы тогда называли ночными существами. Порой случались и атаки разбойников, которых поддерживали чудовищные правители региона. И хотя нападавшие убили множество жителей окружающих деревень, Цеорис доказал свою неприступность, оставаясь надежным оплотом против подобных атак. Поначалу они беспокоили магов. Куда больше страдали от нападений остальные капеллы Трансильвании, но у врагов никогда не получалось развить успешные нападения и покорить хоть один замок. Горатрикс и Этриус чересчур уверились в своих силах. Отсутствие координации и слаженности врагов убедили их в том, что ночные существа были неорганизованной, бездумной массой.

Будоражащая тайна

В то самое время маги Цеориса столкнулись с нарастающими проблемами. Прежде казавшиеся перспективными направления магических исследований стали, одно за другим, приносить разочарование. Вновь открытые заклинания, найденные в покрытых древней пылью томах, не работали предусмотренным образом. Создание новых инкантантов требовало намного больше времени. Занявшись судорожным изучением магических томов, никто из магов сперва не заметил, что его коллеги разделяют страх достигнутого предела магических возможностей. Во Франции без предупреждения пропала Великая Эманация Изумрудных ножей ЛеДюка, убив при этом обоих его учеников. Многие обнаружили, что приготовленные ими зелья бессмертия годны лишь на подтяжку обвисших мышц и поддержание уставших костей. Только в 995 году маги Цеориса обсудили насущные проблемы и приняли решение изучить эти вопросы. Я видел их страх и радовался ему. Они же должны были быть хозяевами положения! Их оккультные знания давали им поразительное понимание сил, что существуют в мире. Но теперь они оказались в дураках: непостижимые силы медленно лишали их контроля над самим существованием. Тогда наконец-то стал слышен мой смех, что отдавался в коридорах и в вышине купола Великой Библиотеки

В 996 году Этриус доказал, что энергия висы медленно, но неумолимо угасала в капелле. В 997 году в Цеорисе прошел великий совет тремерских магов, собравшихся со всех концов земли — от Иерусалима до Англии. Теперь Дом понимал, что уменьшение силы происходит повсеместно. Ученые предлагали разнообразные гипотезы. Наступающий слом тысячелетия изменил нумерологические основы магии, утверждала одна из теорий. Другая говорила, что изменили свое положение звезды. Демоны выигрывают войну на Небесах, твердили некоторые. И совет перетек в оргию несбыточных мечтаний; лишь редкие инакомыслящие предлагали хотя бы попытаться рассмотреть возможность того, что силы, которые служили им многие годы, на которые во многих смыслах опиралось их бессмертие, могут исчезнуть во мгновение ока, как пламя догоревшей свечи. Каковой бы не была проблема, она была цикличной.

Сам Тремер думал иначе. Когда члены совета отбыли, он собрал вместе магов Цеориса, и предложил им действовать так, как если бы худшее должно было случиться. Он назначил Горатрикса ответственным за проведение грандиозного исследования причин проблем магов. С 998 по 1000 годы Горатрикс частью упросил, а частью заставил других местных ученых вести свои исследования в желаемых направлениях. Через авгурику, визуальную медитацию, астрологические расчеты и алхимический анализ они обнаружили, что их способности стали таять. Герменевтическая тропа теряла свои силы. И Горатрикс, и Этриус многое вложили в разработку проекта.

Этриус предлагал разделить полученные знания с магами других домов. Он утверждал, что если исследователи Цеориса смогли добиться таких результатов за столь небольшой срок, то объединенные усилия лучших умов Европы, несомненно, найдут быстрое решение мучавшей их тайны. (Битиургий, если ты передашь это письмо неинициированному читателю, не забудь объяснить, что маги Дома Тремер — лишь одна из групп в Ордене Гермеса.)

Тремер настоял на том, чтобы Этриус, как и все другие, сохранял молчание. Все подчинились, разумеется, но шептались за его спиной. Почему он держит в тайне открытые знания? Горатрикс предположил, что Тремер хочет начать поиски новых способов достижения бессмертия. Имея в руках настолько ценный секрет, Дом мог в конце концов получить власть над остальными, и Тремер смог бы отыграться за свое прежнее поражение, получив главенство в Ордене Гермеса.

В это же время из Дома вместе с группой охранников исчез Арундинис, путешествовавший на юг, в Афины. Поисковая партия проследила его маршрут до берегов Дуная, где не было обнаружено ничего, кроме остатков лагеря и странно искореженной растительности.

ГОДЫ ПОИСКОВ: 1000-1021

Тремер велел последователям изучить любую возможную замену прежним методам поддержания бессмертия. Цеорис разделился на соперничающие группировки, каждая из которых была свято уверена в правильности собственных методов и жаждала доказать неправоту других. Нунций вел проект по дистилляции определенных видов растений в новое зелье вечной жизни, которое, по его словам, не требовало бы магии в производстве. Поль Корвуд исследовал пути выявления и вычленения человеческой души. Эпистатия продвигала дисциплину, которую сама звала спиритическим переселением, и с помощью которой маги могли оставлять стареющие тела в пользу новых и здоровых. Алхимик Теримна отправляла исследовательские партии в дальние уголки мира, чтобы поймать несколько легендарных чудовищ, части тел которых использовались в массе омерзительных и совершенно неэффективных зелий.

Адские врата Этриуса

Критически настроенный Этриус впал в дьяболизм и стал вести поиски возможностей дублировать эффект заклинаний запрещенного поля ритуалов без того, чтобы вступать в фактические контакты с демонами. Как это на него похоже — совершать такие действия без всякого смысла! Сам Тремер поверхностно изучал дьяболизм после провалившейся попытки получить власть над Орденом Гермеса многие века назад, но оставил эти планы, натолкнувшись на основной парадокс — демоны, достаточно слабые, чтобы быть порабощенными смертным магом, никогда не обладают мощью, необходимой для выполнения заданий, равноценных проблемам, связанных с вызовом. А достаточно сильные демоны, которые могут принести значимую пользу, не могут быть порабощены; они всегда находят способ обмануть мага. Тремер запретил своим последователям связываться с инфернализмом не по моральным или душевным причинам, но лишь по причине недостаточной эффективности заклинаний. Этриус же утверждал, что сила поклонения дьяволу может пребывать (или может быть помещена) не в демонической силе, но в повторении ритуальных элементов. Он получил разрешение Тремера приступить к осторожным исследованиям в этом направлении. Получив

невысокие результаты при принесении в жертву свиней и цыплят, он начал отправлять слуг в окружающие деревни за девственными дочерьми местных крестьян и лесников. За приблизительно двадцать лет исследований он принес в жертву две дюжины юных женщин. Этриус повторял свои эксперименты с новорожденными детьми, но улучшения эффекта не достиг. Порой он непреднамеренно вызывал демонов, порой не получал никакого результата, кроме омерзительного дыма.

Наиболее яркий его провал случился во время осеннего равноденствия 1003 года. Звезды, как он определил, выстроились в нужном порядке для связи с Адом, и великий ритуал был проведен. Этриус, как ему казалось, обладал тайными именами трех принцев Диса и был готов выставить им свои требования, подкрепленные кровью восьми новых жертв. Он преуспел куда более своих надежд, открыв врата в Ад и позволив демонам захватить целый этаж в подземельях крепости. Я не стыжусь радости, что потрясла меня при виде этих существ, вылезавших из адских глубин, разрывая плоть и круша кости. Два мага, четверо учеников и полдюжины слуг были пожраны дьявольским пламенем или разодраны когтями прежде, чем Этриус смог найти способ частично прервать ритуал, закрыв и запечатав адскую Дверь.

Когда кризис миновал, последовали обвинения. На самом деле многие желали видеть фаворита Тремера униженным, изгнанным, даже убитым за ту опасность, которой он подверг всех. Они вытащили его на суд и заставили оправдываться. Его уловки и отговорки в попытках объяснить свои действия ласкали мой слух. Сперва он утверждал, что все сделал верно, что кто-то другой саботировал ритуал. Глаза Горатрикса вспыхнули, когда он понял, что Этриус пытается выкрутиться и переложить вину на него. Я не мог удержать смеха — маг не слышал меня, но видел, как заметалось пламя свечей. По велению Тремера Этриус снял свои обвинения, но затем заявил, что демоны помутили его чувства. Конечно, утверждал он, его упорная вера привлекла их. Очевидность его вины была ясна всем, и один за другим маги приговаривали его к уничтожению. К концу совета Тремер поднял руку и произнес речь, в которой взял на

себя вину за ошибку Этриуса. Он направлял Этриуса, поддержал его теорию, дал ему разрешение на проведение эксперимента. Если Этриус должен понести наказание, то и он должен. Хочет ли кто-либо потребовать его уничтожения? Совет хранил молчание. Мокрыми от слез глазами, Этриуса, полный обожания, смотрел на Тремера, как побитая собака.

Решение Горатрикса

Горатрикс же открыл перспективную теорию. Заметив, что по лесам ночами крадутся существа, по слухам, бессмертные, он решил провести над ними исследования. Несколько лет он потратил на изыскания, совместившие герменевтические тексты и вампирское знание, но не нашел им достаточного применения.

Но затем кто-то оставил голову Арундиниса буквально на пороге замка. Слуги, охранявшие подъемный мост, нашли ее иссушенные останки тусклым ноябрьским утром. Неизвестные оставили голову на другой стороне расселины, отделявшей крепость от окружавших ее земель. Горатрикс забрал голову себе. желая проверить заклинания, найденные им в некромантических текстах. Проведя ритуал, который включал в себя измельчение и поедание костей черепа, Горатрикс смог открыть некоторые ключевые моменты последних дней жизни Арундиниса. Его исследовательская партия была схвачена ночью существами, в которых он позднее распознал вампиров. Его держали в плену и пытали месяцами. Многие секреты Дома раскрыл он главному своему палачу, презрительному чудовищу по имени Роланд. Однако в те минуты, когда он владел собой, Арундинис сообщил мучителям множество ложных сведений, сильно преувеличив силу магов Цеориса. Горатрикс продиктовал содержание видений своему ученику и позже изучил их, вычленяя информацию о местонахождении существ. Он отправил несколько партий на поиски тех географических объектов, которые видели глаза погибшего мага.

В 1005 Горатрикс получил благословление Тремера на дерзкую атаку и лично повел военный отряд к логову Роланда. Самые преданные его воины прорубили путь

сквозь полчища слуг Старейшины Цимисхов. Десятки воинов пали с каждой стороны, но маги смогли окончательно сковать Роланда в покрытые колдовскими знаками цепи и подавить его огнем. Горатрикс обещал ему свободу в обмен на ответы. От Роланда он впервые узнал о древней истории и мощи вампиров, выяснил, что вампиры разделены на фракции, которые зовутся кланами. Роланд, к примеру, был представителем Цимисхов — семьи развращенных аристократов, что могли изменять плоть, словно глину. Он также выяснил, что чудовища производят себе подобных, сперва выпивая всю кровь смертного, а затем изменяя его во время процесса, зовущегося Обращением[1]. Того краткого времени, что есть у нас, пока я управляю твоей рукой, Битиургий, не хватит, чтобы рассказать обо всем, что выведал про ночных существ Горатрикс, так что я продолжу свой рассказ, не останавливаясь на этом.

Когда голова Горатрикса переполнилась знаниями и возникли новые вопросы, он потребовал у Роланда обратить двух шокированных и не ожидавших того учеников — Стефана и Фаруса. Вернувшись в Цеорис, Горатрикс велел Стефану и Фарусу следовать за ним в его личные лаборатории. Там в уединении он изучал их годами, не чувствуя практически никакого прогресса. Вскоре жители Цеориса стали говорить про обоих учеников в прошедшем времени.

Нарастающее отчаяние

По мере течения времени, ученые один за другим разочаровывались в многообещающих теориях. Чувство отчаяния наполнило капеллу. Эксперименты не приносили результатов, и маги начинали с подозрением относится к своим соперникам, в уверенности, что те им помешали. В 1011 году Винций, ученик Поля Корвуда, был найден задушенным в собственной постели. Немногим ранее Эпистатия выставила себя на посмешище перед лицом совета магов, не сумев перенести свое сознание в разум пойманного деревенщины. Она обвинила Винция в том, что тот сглазил ее во время демонстрации. Впрочем, она отрицала свою причастность к смерти мага, хотя доказательств ни за, ни против нее не было. Горатрикс

выступил в ее защиту, но потребовал за это плату. Он настоял на том, чтобы она оставила свои исследования и помогла ему. Эпистатия должна была помочь ему отправить его сознание в путешествие над миром — или среди призрачных реальностей, окружавших мир, — чтобы он мог отыскать новую информацию о вампирах.

Способности Эпистатии позволили Горатриксу добиться серьезных успехов — настолько серьезных, что нам следует простить ее за подозрение, что именно Горатрикс убил Винция, дабы заставить ее служить своим целям (я не видел, как это случилось, но в целом ее подозрения разделяю). Он установил контакт с как минимум двумя разными сущностями, которые сообщили ему важнейшие сведения. Будучи древом, на котором возведен Цеорис, я узнал в них Корень Всего и Звезды-надо-Всем, тех существ, которые наполняли ненавистью мои корни. Исследования Горатрикса продолжались еще одиннадцать лет.

Ты, Битиургий, должен знать, кто эти существа на самом деле и чего они хотят от нас. Без них эта проклятая капелла никогда не была бы возведена, наш дом не был бы отсечен от других и проклят. Возможно, вооруженные этим знанием, ты и твои доверенные люди сможете вернуть то, чего лишили нас гордыня и своеволие.

СТАНОВЛЕНИЕ: 1022

В 1022 году Горатрикс сообщил нескольким избранным, что нуждается в их помощи в своем последнем эксперименте. Он пригласил Тремера, Этриуса, Меерлинду и еще четверых из ближайших помощников нашего основателя. Семь дней и семь ночей без сна и отдыха проводили они столь сложные ритуалы, что инструкции к ним покрывали тысячи листов пергамента, сожженных во время ритуала. В самый ответственный момент церемонии они пали на тела обращенных учеников, Стефана и Фаруса, разорвали их тела на куски голыми руками и пожрали их плоть и кровь, словно безумные менады древних времен. Из состояния жестокого помешательства они впали в экстатическую агонию, а затем потеряли сознание.

Пробудились они спустя много часов уже неживыми. Вампирами.

Никто, кроме Горатрикса, не ожидал такого результата. Испанец Кальдерон бросился на него, угрожая убить за то, что Горатрикс обманул всех, говоря о целях ритуала. Потрясенный Этриус обвинял Горатрикса в дьявольском вмешательстве и возвещал, что в этот день проклятье обрело силу. Тремер, однако, немедленно осознал эффективность магии Горатрикса. Он заговорил тем чертовски убедительным голосом, который заставляет тебя забыть рассудок и приличия, и приказал всем остановиться. Он велел передать управление часовнями кастелянам, и все восьмеро остались в Цеорисе на семь лет, пытаясь познать и подчинить себе новые законы, что правили их телами. Они превратились в живущих по ночам отшельников, волнующихся, что кто-либо разгадает их уловки. Но никто ничего не понял; как обычно, маги были чересчур заняты собственными исследованиями, чтобы заметить изменения в распорядке дня своих коллег. Я пытался объяснить им что-то, но, словно в детском кошмаре, не мог докричаться ни до кого.

НАПРАСНЫЕ УЛОВКИ: 1024-1026

Десятилетиями я пытался получить контроль над своим новым состоянием, обрести какую-либо способность влиять на события, происходящие в Цеорисе. Однажды ночью, думаю, это было в 1024 году, я видел как Этриус питался невинной девушкой, похищенной из близлежащей деревеньки. Я рыдал над своею беспомощностью, как и много раз до того, и слезы мои текли, столь же бесплотные, как и все мое тело. Но на этот раз слезы упали на лоб Этриуса. Он посмотрел вверх, вздрогнул и прекратил пить кровь — он мог видеть меня.

Я ненавидел этого мага, но все же впервые получил возможность говорить и быть услышанным. Осталось ли у него достаточно рассудка, чтобы увидеть ту пропасть, в которую катился он и остальные? Если бы только я мог схватить его за горло и встряхнуть так, чтобы пробудить

его чувства! Но моим единственным оружием оставались слова. Я рассказал ему, как наблюдал за ритуалами Горатрикса и Эпистатии. Они почувствовали мое присутствие и несколько раз пытались изгнать меня, но я всегда находил щелку, в которую мог проскользнуть. Когда смертные люди выпивают кровь вампира, выяснил я, они практически никогда не могут стать вампирами сами. Они превращаются в гулей, полу-смертных слуг тех, чью кровь они получили. Но потусторонние наставники Горатрикса и Эпистатии дали им возможность проигнорировать этот закон вампиризма. Кроме того, они напитали ритуал силою. Этриус мотал головой, отвергая мои слова, но я настаивал, чтобы он вспомнил ритуал снова, восстановил в памяти то, какие силы были пробуждены при нем. Я чуял Корень Всего и Звезды-надо-Всем, зная, что один из них своего рода демон, а другой имеет иную природу. Величайшие из Тремеров, всегда считавшие себя повелителями судьбы, оказались лишь марионетками в чужих руках. И для чего? Для чего? Всего лишь для жизни, практически кричал я, для простой жизни! И был лишь один способ обратить вспять это падение, дабы не осквернять память о том величии, коим мы прежде обладали. Все восьмеро свершивших ритуал должны были взять в руки власть над собственным существованием и окончить его. Самоубийство было единственным способом.

Этриус согласился убить себя. Он отыскал Горатрикса и рассказал тому о нашей встрече. Тот пришел ко мне вдвоем с Эпистатией, пытаясь ложью отвлечь мое внимание, желая сковать меня навеки в астральной клетке. Не стоило им считать меня столь наивным. Я был готов к возможному предательству и держал в рукаве пару призрачных трюков — ибо в Цеорисе сила моя велика. В каком-то роде, я сам являюсь Цеорисом, или, по крайней мере, такой же частью его, как и камни, и скрепляющий их раствор.

Уничтожь меня, Битиургий. Уничтожь Цеорис.

Как Цимисхи узнали о нас

Поняв, что ставшие вампирами Тремеры не желают убивать себя, я осознал, что должен заставить их врагов

выполнить эту задачу. Я стал ждать, пока среди наших слуг появится шпион Цимисхов, и довольно скоро таковой появился. Тогда, овладев его рукой так же, как сейчас я владею твоей, я написал письма к его господину, вампиру, звавшемуся Рустовичем. В письмах рассказывалось об участии Горатрикса в поимке и убийстве его дитя, Роланда, об Обращении Стефана и Фаруса, и о ритуале узурпации. Письма нашли своего читателя, и вскоре войска Рустовича осадили наши крепости.

Начало войны

Армии гулей под предводительством вампиров хлынули на прочие капеллы Тремеров Трансильвании, разрушив большинство из них всего лишь за два года. Вскоре стало известно, что к объявленной Рустовичем войне присоединились и другие вампирские кланы: дикие Гангрелы и таинственные Носферату. Маги терпели поражение за поражением от наступавших волн шипящих и корчащихся солдат. Выжившие пытались, скрываясь в лесах, добраться до Цеориса. Сам же Цеорис пережил несколько ложных атак, предпринятых Рустовичем скорее для того, чтобы деморализовать Тремеров, нежели в надежде нанести им значительные повреждения. Он и его союзники побеждали, но по-прежнему не могли разрушить наши стены.

Наивный, я надеялся, что Рустович найдет способ убить лишь восьмерых, запятнавших себя. Я не хотел, чтобы он объявил вражду всем магам, и никогда я не хотел войны. Я прекратил отправлять письма и погрузился в отчаяние, понимая, что моя хитрость обернулась против нас всех. Я молил о том, чтобы безумие охватило меня, стирая память о моих ошибках — но безуспешно. Мысль о том, что, пытаясь разрушить лежавшее над нами проклятье, я лишь ухудшил наше положение, неотрывно преследовала меня.

Внутренний кризис: 1026-1036

Обострение войны с созданиями ночи наполнило ужасом стены нашей твердыни. Смертные маги чувствовали страх,

пропитавший самый воздух крепости. Самые внимательные из них заметили странные изменения в давно устоявшемся порядке. И Горатрикс, и Этриус устранились от дневной деятельности. Те, кто был к ним приближен, тоже стали вести жизнь затворников и запретили доступ ко многим лабораториям. Странные звуки порой доносились из подвалов, также ставшим недоступными для большинства. Признаюсь, что я помог открыть глаза на эти странности: порой открыв где-то дверь, порой оставив книгу распахнутой на очень любопытной странице. Теперь я избегал вмешиваться напрямую в события, боясь повторения прежних глупых ошибок.

Я радовался, наблюдая нарастающую враждебность среди узурпаторов. Горатрикс настаивал на том, что лишь немедленное Обращение всех членов дома даст им силы бороться с наступавшими вампирами. Этриус советовал соблюдать разумную осторожность, ведь Обращение неподготовленных магов не принесет ничего, кроме смятения и предательства. Собратья должны постепенно подготовиться к тому, чтобы отринуть иллюзии смертности. Тремер согласился с Этриусом, но не преминул столкнуть этих двоих между собой, позволив вспыхнуть давно накопившейся ненависти. Несколько раз Этриус был вынужден отражать пробные магические атаки. Он обвинил в них Горатрикса и пожаловался Тремеру, тот успокоил его, но не сделал ничего, чтобы унять ярость Горатрикса. Оба соперника решили, что магистр проверяет их, что лучшего из них может определить только поединок. Каждый из них стал набирать себе союзников среди других магов-Каинитов. Кальдерон и француз ЛеДюк встали на сторону Этриуса, прочие поддержали Горатрикса, и лишь мудрая Меерлинда пыталась положить конец спорам. Несмотря на ее усилия, обе стороны периодически сталкивались друг с другом на протяжении следующего десятка лет.

Случай в Фессалониках

Историю о случившихся там важных событиях я знаю лишь по рассказам, ибо все случилось вдали от моих врат и башен. В 1036 году Этриус нанес визит в капеллу одного из других герметических орденов, Бонисаджи, в

Фессалониках. Рассчитывая отыскать там книги и знания о вампирах, он подвергся нападению крошечных шипящих гомункулов, с зубами из язычков пламени. Они были созданы Витторио, смертным магом из клики Горатрикса, но заклятие дало осечку, причем таким кровавым образом, о котором я с удовольствием расскажу. Не знаю, ошибся ли он, торопясь провести свой жестокий ритуал, или же дало о себе знать продолжающееся непостоянство нашей магии, но вместо того, чтобы сотворить послушных кукол из камней и цемента капеллы, как и предполагалось, заклинание использовало плоть и кровь спавших около покоев Этриуса магов. Никто из чародеев Фессалоник не погиб, но многие были искалечены: кто-то потерял глаза, а кто-то плоть с обеих ног. Взбешенные Бонисаджи проследили заклинание, дабы найти его источник — они осознали не только то, что Цеорис фактически находится в состоянии гражданской войны, но и что его маги несомненно пользуются инфернальными силами. Буквально за несколько месяцев эта новость распространилась, словно заразная болезнь, по всем капеллам Европы. Тремер потратил пять лет, посещая одного за другим высших лиц Ордена, в попытках убедить их, что инцидент в Фессалониках был расценен неправильно. Витторио был казнен и выставлен единственным виновником произошедшего. Как я желал отправиться в путь вместе с Тремером, чтобы увидеть, как он притворяется, молит, пресмыкается и раболепствует перед теми, кого считал много ниже себя! Увы, его проклятая убедительность, без сомнения подпитанная страхами и узостью взглядов других, победила. Все согласились не предпринимать никаких действий против его Дома. Боюсь, что он даже завербовал некоторых, хотя и не сказал никому из своих последователей, что Обратил перспективных магов из других Домов.

Краеугольные камни Пирамиды: 1037

Вслед за этими событиями Тремер совершил то, что среди всех секретов клана является наиболее доступным. Использовав случай в Фессалониках как предлог, он призвал семерых в свои покои, где заставил их принести

ему клятву на крови. Располагая их верностью, основанной на мистических связях, он прекратил гражданскую войну. Вот что Тремер смог выиграть из соперничества Горатрикса и Этриуса. Намеренно ли он распалил огонь их вражды, надеясь, что действия одного из них позволят ему оправдать клятву на крови? Разумеется, это так.

Тремер поведал семерым, что клятвы на крови — лишь первый шаг в процессе обновления Дома. Лишь подчинение воле одного человека могло позволить Дому устоять в это тяжелое время. Тремер намеревался сформировать нерушимую иерархию, которая заставит каждого вновь Обращенного Тремера-Каинита неукоснительно соблюдать его волю. Он показал всем свиток с рисунком, изображавшим пирамиду подчинения. Тремер стоял во главе пирамиды. Внутренний круг Семи, как отныне называл он своих приближенных, лежал прямо под ним. Когда будет завершено Обращение всех членов Дома, каждый из них будет повелевать лордами, которые в свою очередь станут управлять областями со множеством капелл. Регенты, каждый глава небольшой капеллы, станут командовать живущими в ней магами и учениками. Клятва Крови закрепит те обеты, которые будет приносить вышестоящим каждый Каинит. Во время инициации ученики будут пить кровь своих мастеров, смешанную с кровью Тремера и Советников. Маги примут кровь своих регентов, те — кровь лордов, и так далее. Строгий контроль над действиями нижестоящих послужит более сильным оружием против прочих Каинитов, чем магическое мастерство Тремеров, сказал он своим приближенным. Хаос пожирает Европу и те, кто смогут выстоять в это время, — преуспеют.

Прежде чем отпустить Совет Семи, Тремер сообщил им, что Этриус отправится с ним в долгое путешествие по Европе и по Святой земле для поисков секретов Каинитов. Горатрикс наконец-таки сможет единолично править Цеорисом. Улыбка держалась на лицах обоих до той минуты, пока каждый из них не увидел другого — и их лица отразили взаимное недовольство.

Правление Горатрикса: 1037-1133

Я видел, что Горатрикс удержался от недобрых пожеланий, когда Тремер и другие Советники отправлялись в путь. Теперь он мог наслаждаться своей безраздельной властью в Цеорисе, чего он всегда добивался. Зачем бы иначе он вкладывал в него столько собственных магических сил? Пока Этриус или кто-то другой из участников первоначального ритуала присутствовал здесь, средоточие его силы было замутнено. Я продолжал находиться тут, в своеобразном, правда, состоянии, но, по всей видимости, он не включал в свои расчеты старого мертвого Понтикулуса.

Он обратил свою ярость на продолжение войны с Цимисхами, армии гулей которых снова начали свои нападения. Они то учащались, то становились реже на протяжении следующих десятилетий. Создания ночи разрушали окружавшие крепость капеллы, с воем подбирались к самым вратам Цеориса, осаждали его. Затем отчаявшиеся маги соединяли свои тающие силы, отбрасывали монстров в ужасных сражениях и загоняли их в убежища в северной Трансильвании. Сперва я надеялся, что война сможет что-то изменить, но когда цикл стал повторяться, я понял, что все это лишь скучная и непонятная шутка судьбы. Быть может, тебе нравятся цифры, Битиургий, так что я напишу года наиболее тяжелых битв: 1040, 1046, 1062, 1066, 1086 и 1105. Я не вполне понимаю, чем были вызваны длинные паузы между нападениями, ибо не могу сказать, что происходит в умах Цимисхов. В любом случае, в период между 1047 и 1061 годом, и с 1067 по 1085 год маги могли восстановить укрепления, не позволяя ночным существам подобраться к нашим владениям. Они заново отстроили внешние капеллы, судорожно накапливая вису для будущих битв. Затем укрепления пали под новым напором вражеских армий, и маги снова отступили в свою цитадель.

Многие скрывавшиеся в стенах Цеориса были Обращены в эти годы. Ты знаешь Малгожату, известную за свой острый язык. А знал ли ты, что она не была дворянкой — всего лишь юной поселянкой, которую Горатрикс выкупил у родителей. Он сделал ее свой ученицей, скрыв от

соперников ее существование. И, как это часто бывает с учениками, они стала лишь грубым подобием своего наставника, копирующим и подчеркивающим его наиболее очевидные черты. Ее упорство и быстрое возвышение не дали ей новых друзей, но зато вызвали уважение прочих учеников. Пять лет спустя после ее собственного Обращения, она ввела своего самого смазливого поклонника, Джервалиса, в число Каинитов.

Серьезное нападение Цимисхов случилось в 1105 году. Были разрушены все трансильванские капеллы Тремеров, за исключением Цеориса. Горатрикс боролся с велением Клятвы крови, желая Обратить всех магов Цеориса сразу, чтобы выставить их на рубежи. Хотя он и Обратил нескольких человек в то время, он не мог перестать повиноваться приказу Тремера столь скоро после принесения клятвы.

Создание Горгулий

Нуждаясь в оружии против Цимисхов и их союзников, Горатрикс вернулся к поискам знаний среди пыльных томов библиотек. Вместе с Малгожатой и Эпистатией он Обращал пойманных крестьян, чтобы изучать изменения, происходивших с их телами во время развития вампиризма. Он многого добился, изучая живых существ, но к 1109 году обнаружил, что изучение вновь Обращенных Каинитов достигло своего предела. Эпистатия, чей разум легко скользил меж видениями потустороннего мира, посоветовала Горатриксу проводить эксперименты над существами старше него самого. Ему следовало схватить настоящих Каинитов.

Горатрикс начал Обращать не магов Цеориса, но их слуг, в особенности, воинов. Очевидно, это не противоречило букве приказов Тремера. Он отправлял своих неонатов на самоубийственные миссии с целью поймать закаленных в боях Каинитов. Пять или шесть дюжин новообращенных погибли, пытаясь выполнить его приказы, но несколько отрядов преуспело, сумев притащить взбешенных Цимисхов, Гангрелов и Носферату прямо под острый скальпель своего повелителя. С 1110 по 1120 годы подземелья Цеориса полнились криками препарируемых

Каинитов. В это время в нашей истории появляется новый персонаж, которого ты также должен узнать: недавно Обращенная магичка Вирстания, которая даже в то время была на три четверти безумна. Ее извращенная любовь к создаваемым ими созданиям, сделала их податливыми и наполнила ненавистью к прежним собратьям. Самая верная последовательница Горатрикса, Малгожата, удерживала участников эксперимента от чрезмерного полета фантазии, напоминая, что от успеха проекта зависят их жизни.

В 1121 году Горатрикс торжественно объявил о создании новой расы. Первый из Горгулий был назван Чондисом. Он обладал демонической внешностью, каменной кожей, пугающими когтями и крыльями, похожими на крылья летучей мыши — теперь это типично для его рода. Но Горатрикс, Малгожата и Вирстания за последующие годы создали множество иных типов Горгулий, менее успешных по внешнему виду и способностям.

К 1125 году они создали достаточно внушающих ужас слуг, чтобы бросить их на своих врагов. Горгульи изменили ход войны. Они парили над полем битвы, высматривая вампиров среди толп сходящих с ума по крови гулей и испуганных смертных воинов. Камнем они падали вниз, а затем приносили добычу в Цеорис, где Каиниты становились материалом для создания новых Горгулий.

В 1126 году Чондис не вернулся с такого задания. Я полагаю, что Цимисхи нашли его и, разорвав на части, поняли, из чего он был сотворен. Вскоре после его исчезновения они атаковали нас с утроенной яростью, видимо, вызванной ужасом и ненавистью. (Я слышал, как Вирстания шепталась со своими последователями из Горгулий о том, что один из них скрылся из-под контроля Тремеров и создал собственное поселение. Они звали его Каменным Лордом. Судя по их словам, это не был Чондис, хотя и такое возможно).

Изыскания Тремера и Этриуса: 1037-1133

Тремер и Этриус тоже не бездействовали, пока шло время кровавых битв. С 1037 по 1121 годы они путешествовали от одной капеллы к другой, проводя секретные эксперименты, которые увеличивали их вампирическое искусство Тауматургии. Эту работу они начали еще в Цеорисе и теперь продолжали вне его стен. Таким образом, они превращали заклинания и магические формулы герметической магии в систему силы, опирающейся не на вису, а на сверхъестественное могущество крови, измененной и сохраненной телом вампира. Эти двое появлялись в Цеорисе только чтобы обсудить результаты своих исследований с теми, кто был погружен в проект Горатрикса по созданию Горгулий. Первые семь десятилетий их работа в основном была теоретической, прорывы в практической части наступали медленно. Горатрикс, желая добиться более быстрых результатов, с помощью своей крови поработил нескольких магов, заставив их служить себе в проекте Горгулий и других вопросах.

Тремер и Этриус потратили последние двадцать лет на поиски тех герметических заклинаний и ритуалов, которые подходили для переноса в сферу магии крови, и на превращение их в тауматургические формулы. Быть может, Битиургий, ты упомянешь в разговоре имена магов Гайруса, Табеллария, Декорара и Котия. Обрати внимание, какую реакцию это вызовет. Они были порабощены твоими руководителями, использованы как рабочие лошади, а затем убиты, а их мозги и сердца вынуты и иссечены, лишь потому что Тремер полагал, что может найти в них что-то интересное.

Охота

К 1121 году, уже зная об успехах Горатрикса в создании Горгулий, они ощутили в себе силы пуститься по следу тех разнообразных зацепок и подсказок, которые обнаружили в книгах о вампиризме. Сопровождаемые несколькими Горгульями, они исследовали самые темные уголки

Европы, часто притворяясь вампирами других кланов. (В этой части истории я полагаюсь лишь на рассказы и разговоры, подслушанные мною в Цеорисе, ибо его границ я не могу пересечь). Они собрали по кусочкам множество сведений о существовании вампиров, открыли, что те могут увеличивать свою силу, выпивая кровь тех, кто ближе стоит к Каину, первому вампиру. (Да, да, Каину, первому убийце). Тремер немедленно проверил эту информацию, убив в Риме старого вампира и выпив его кровь. Осознав существование подобной иерархии, Тремер неутомимо стал искать того, кто занимал ее вершину, дабы свергнуть его. С 1126 по 1132 годы он вместе с Этриусом выслеживал древних вампиров, известных как Мафусаилы. Где бы они их не обнаруживали, они тщательно подготавливали нападение, призывая прочих Советников, чтобы те присоединились к убийству. Таким путем они увеличили силу своей крови, поддерживающей мощь Тауматургии.

Следующий грех

В том жалком состоянии, в которое Этриус и остальные ввергли меня, я не мог простереть мое внимание за пределы стен замка, Битиургий. Я не представляю, что творили те чудовища, которых прежде я звал соратниками, будучи вдали от меня, так что следующая глава этой печальной истории строится лишь на моих предположениях. Судя по тому, что я смог узнать, охота за различными древними вампирами привела Тремера к желанию найти то существо, что он звал Антеделувианом. Это был отец вампиров, основатель одной из великих линий этой проклятой крови. Тремер желал отнять его силу, как я предполагаю, чтобы доказать свою принадлежность к вампирам.

Этриус и Тремер путешествовали по свету, и, как мне известно, их странствия принесли плоды в землях, что которыми нынче правит ислам. Я слышал шепотом передаваемые слухи о том, что они искали место упокоения самого Сета, яростного бога древнего Египта и прародителя вампиров. Даже если и так, они не смогли его обнаружить. Вместе с тем, в 1133 году Тремер призвал к себе Совет Семи, и я подслушал, как Горатрикс

рассказывал, что магистр нашел могилу вампира Саулота. Отмеченный третьим глазом, символом мудрости, на лбу, этот древний вампир был родоначальником линии существ, звавшихся Салюбри. Горатрикс отбыл, полный надежд на обладание новыми силами. Он вернулся не с пустыми руками, и не один: совет в полном составе прибыл в Цеорис, неся с собой связанное тело обессилевшего Тремера. Некоторые полнились новою силой, другие с раздражением говорили о неосторожности и излишней гордыне. Горатрикс молчал, но в звуках его шагов я слышал новые оттенки ненависти.

Битиургий, мне не ведомо в точности, что там произошло. Похоже, что Тремер выпил кровь Саулота и убил его. Теперь он обладал силою древних, но находился в состоянии глубокого сна, сопровождаемого таинственными изменениями личности и даже физической формы. Прежде Тремер был человеком, затем — вампиром; теперь же он был чудовищем, пришедшим из легенды. Никто не был готов к такому результату, и, прислушавшись к тихим переговорам по углам, я слышал предсказания о том, что Дом Тремеров падет от того, что Тремер совершил новое преступление.

Ищи правду, Битиургий, если осмелишься, но берегись.

После 1133 года

Приходя в сознание на короткие периоды, Тремер отдавал распоряжения о дальнейшей судьбе названного в его честь клана. ЛеДюк, магистр разросшейся парижской капеллы, должен был отправится к Леванту, чтобы отыскать разгадки к произошедшим событиям. Его задачей было охотиться на Салюбри и их секреты. Горатрикс должен был оставить пост Лорда Цеориса и отправиться во Францию, чтобы управлять парижской капеллой. Верный Этриус стал правителем Цеориса и должен был охранять покой Тремера.

Ярость Горатрикса

Горатрикс скрывал свое раздражение и свою ярость до тех пор, пока не добрался до своих покоев, где перестав сдерживаться, высказал все при Малгожате и Джервасе. Я мог это наблюдать. Это же он, Горатрикс, спас Дом, создав Горгулий и отбросив созданий ночи! Это он принес в жертву свои мистические силы, чтобы создать Цеорис! Он предназначался ему! Его силу всегда будут раздирать на части, если он не займет замок! Трусливый Этриус все-таки перехитрил его. Этот лизоблюд знал, что настоящую власть можно обрести, лишь находясь при Тремере. А каков был его вклад? Этриус точно уговорил Тремера забрать Цеорис у него. Это настоящее оскорбление! Это принижение всего того, что сделал Горатрикс! Этриус был там, только чтобы лебезить перед Тремером, он ничего не сделал, но в конечном счете выиграл!

Горатрикс сорвал со стены меч и заявил, что готов спуститься в зал, где лежит Тремер, чтобы забрать его жизнь — так же, как Тремер забрал жизнь Саулота. Но затем выражение его лица изменилось; и я уверен, что меня не обманул какой-нибудь отблеск свечи. Порой, восстанавливая в памяти этот момент, я думаю, что он был тогда переполнен любовью к Тремеру, как велела ему клятва крови. Но с той же вероятностью это могло быть омерзение от мысли, что за проклятье призвал Тремер, вскрыв могилу Саулота, и которое он намеревался обратить на себя. И вместо того Горатрикс сказал Малгожате, что отправится во Францию и будет искать способ сделать из Парижской капеллы то, чем являлся Цеорис. Правление Этриуса будет лишь номинальным, сказал он. Она же должна будет скрыто и тайно управлять событиями. Хотя в действительности они предпочитали резкие действия, а Этриус был осторожен и аккуратен, ей никогда не следует забывать истинную причину столкновения. Все дело в двух мужчинах, Горатриксе и Этриусе, и ненависти, что кипела между ними. А ненависть Горатрикса была столь горяча и велика, что многие могли укрыться за нею и черпать из нее силы. Поощрять чью-то верность, говорил Горатрикс, это ошибка, ибо люди предадут тебя. Они дрогнут и оставят тебя. Но отдайся ненависти, и сила твоя возрастет. Надо сказать, в этот момент его речь была вдохновляющей. Я сам, пожалуй, увлекся его словами, ведь не так давно оставило меня

чувство ненависти, одним из главных объектов которой был он сам.

Возрождение старой вражды

Горатрикс направился в Парижскую капеллу, откуда начал сложную шахматную партию по разрушению планов Этриуса. Оба использовали тауматургические способы связи, чтобы вербовать соратников в этой битве. Малгожата продолжала информировать Горатрикса обо всем происходящем в этих стенах и, не зная того, тем самым держала в курсе событий и меня — я слушал ее доклады с холодной беспристрастностью, которую обрел со временем.

Я видел как Малгожата, куда более привлекательная, чем Этриус, завоевывала симпатии многих неонатов, вовлекая их во фракцию конспираторов, воодушевляемую Горатриксом. Тот действовал более осторожно, так как Тремер теперь с меньшей терпимостью относился к продолжающейся вражде. В 1140 году одна из наиболее эффективных новых пешек Горатрикса, Мисия Гиз, привлекла внимание Тремера; я даже и не знаю толком, что она сделала. Он призвал ее сюда, и лишь месяцы спустя отправил обратно в Париж, с практически уничтоженным рассудком. Горатрикс, как я понимаю, воспринял это как предупреждение и оставил поле битвы за Этриусом.

Пути мыслей Горатрикса настолько хорошо мне известны, что порой мне кажется, будто я слышу его шепот. Ожидая благоприятного момента для восстановления противостояния, он ждал и копил силы. Я знаю, что он Обращал или делал гулями придворных короля Франции Людовика Седьмого. Он поведал Малгожате, что интересуется политикой смертных. Сперва его забавляли их интриги: в конце концов, смертные могли действовать быстро, потому как срок их жизней был краток. Затем он обнаружил, что некоторые другие придворные являются игрушками вампиров, чьи кланы ему лишь едва известны. Он нашел общий язык и смог договориться с Ласомбра и Каппадокийцами. Ты сам пожимал руки их посланцам, Битиургий: Джакомо

Гвиччардини и Маргарет Ваза, частые гости Дома Тремер, на самом деле являются дипломатическими представителями вампиров в Клане. Они впервые приехали сюда в начале 1150-х годов.

Этриус не мог позволить Горатриксу обойти себя в интригах. В 1155 году он ответил, завербовав первого перебежчика из другого вампирского клана: Дауд Копт был прежде последователем змееподобного египетского бога Сета. Также Этриус вложил много сил в быстрое восстановление и защиту далеких часовен. Смертные маги требовали от него вернуть те капеллы, что были наиболее богаты висой. Уверив их, что так он и сделает, Этриус поначалу отстраивал капеллы в стратегических точках. Во всем, кроме названия, они были крепостями. Он нанимал солдат удачи и бандитов, которые использовали часовни как базы для совершения набегов на деревни, принадлежащие Цимисхам. Также они использовались для организации охотничьих экспедиций, когда вампирам требовались новые жертвы.

Продолжение бесконечной войны.

Утомительная война с прочими вампирскими кланами Трансильвании по- прежнему тянулась с переменным успехом. 1169 год выдался очень тяжелым из-за постоянных нападений Цимисхов, а 1176 год был еще хуже. В то время новый воитель Цимисхов, Ян, принял командование их армиями. Я мало знаю об этом Яне, кроме того очевидного факта, что он умелый полководец. В ходу первой своей кампании он захватил многие капеллы и искоренил шпионов и разведчиков в своем стане.

Теперь же он продолжал свое медленное, но последовательное наступление против Тремеров. Все происходило намного хуже, чем рассказывают теперь. Ты знаешь, что внешние часовни были разрушены до основания, но не ведаешь, что и наши первые рубежи не справлялись. Лишь магия крови вампиров, а не Герметические ритуалы твоих коллег, смогли удержать врага вдали от моих ворот.

Глубоко под землей, большую часть времени испытывая муки и борясь со сном, который вампиры зовут торпором, строил свои планы Тремер. Я провел немало часов, прислушиваясь к его бессвязному бормотанию и пытаясь найти в нем какой-то смысл. Он заявлял, что наступят ночи, когда его клан будет глядеть на нынешнее жалкое положение с позиций невообразимой силы, когда весь мир будет, не зная того, служить им. Я видел сомнение даже в глазах вечного лизоблюда Этриуса. Когда Ян отступил, вампиры Тремера возобновили свои интриги друг против друга, словно крысы, запертые в одной клетке.

Ты сам сидишь в этой клетке, Битиургий. Теперь, когда это очевидно и для тебя, ты должен начать действовать. Пусть уже поздно, но, возможно, время еще есть. Твоя рука наполняется тяжестью, и я чувствую, как ты борешься со мной; я слишком долго злоупотреблял твоим гостеприимством. Быть может, завтрашней ночью я вернусь, чтобы рассказать о большем. Не показывай никому этого письма, пока мы не решили, с кем можно поделиться таким знанием.

Понтикулус.

Судьба Цеориса

Основанный на смерти и предательстве, Цеорис — проклятый дом, которому сужден бесславный конец. Но до тех времен еще далеко, и многие бедствия и несчастья еще обрушатся на головы его жителей, прежде чем те оставят его.

Лишь несколько лет остается до того момента, как Орден Гермеса раскроет тайну Тремеров и обратит свою силу против Цеориса. Эта охота на ведьм, которую маги-герменевты называют Массаса, станет яростной войной, что пройдет в условиях, близких к отчаянию. Ни у одной из сторон не будет тех ресурсов, какими они обладали прежде, и каждая из них будет вести одновременно борьбу с другими, часто более опасными врагами. Цимисхи не останутся в стороне лишь потому, что какие-то задирающие нос маги желают столкнуться с Узурпаторами.

Цеорис будет переживать ужасающие нападения, но со временем традиционные маги-герменевты начнут проигрывать, а смертные волшебники — понемногу исчезать.

Война с волшебниками раз и навсегда разрешит вопрос Обращения смертных магов Дома Тремер. Каиниты набросятся на своих смертных собратьев, словно голодные волки, и большинство новых потомков удовлетворится подаренным им бессмертием; прочие будут попросту убиты. Это охладит соперничество внутри клана на несколько десятилетий, однако не спадет ненависть и зависть между Этриусом и Горатриксом. Они найдут другие поводы для столкновений, Этриус всегда будет стоять за осторожность, а Горатрикс за активные действия. Оцепеневший Тремер одним лишь своим бездействием молчаливо поддерживает Этриуса. В конце концов, после того, как в 1314 году Тремер оттолкнет Горатрикса, тот отвернется от человека, которого когда-то так любил, и организует мятежную фракцию Узурпаторов, которые со временем станут Антитрибу Тремеров в зарождающемся Шабаше. (Подробности последней схватки Горатрикса рассказываются в Transylvania Chronicles I: Dark Tides Rising.)

В конце 15-го столетия, когда Тремеры будут поддерживать основание Камарильи и завершение Мятежа Анархов, Цеорис будет переживать тяжелые времена. Группа Горатрикса поддержит Анархов, Вирстания присоединит силы своих ненаглядных Горгулий к их бунту. Цимисхи же, понимая, что для ненавистных Узурпаторов настал момент слабости, не преминут атаковать.

Секреты Цеориса были известны и Горатриксу, и Вирстании еще до предательства, и это сделало защиту крепости несущественной. Опираясь на этот аргумент, Этриус наконец убедил Внутренний круг в необходимости перемещения Тремера и мантии власти в Вену. Ардан из Золотых земель был поставлен управлять Цеорисом. Уже через несколько десятилетий замок будет покинут раз и навсегда. Лучшее творение Горатрикса превратится в руины уже к началу 16-го века.

[1] — Термин Становление, более популярный в ролевой среде, мне претит, так как глагол, произведенный от него, звучит по-дурацки: «становить» (прим. Переводчика). [Наверх]

Глава 2: Далекая цитадель

Лишь битвы я вижу, грозные битвы,
И Тибр, что от пролитой пенится крови

-
Вергилий,
«Энеида»

В стан противника

Доклад Александра Басарба, подданного Воеводы

Благословенный сеньор,

Как вам известно, я не человек красивых и изысканных слов. Их я поручил писцу, которого вы мне прислали, и, надеюсь, бедность речи в моем письме вас не покоробит. Вы спрашивали меня о том, как другие смогут проникнуть в цитадель проклятых магиков. Я расскажу вам все, что знаю сам, честно и откровенно, и уповаю на то, что вы не примете грубую речь такого невежественного**лесника**, как я, за проявление неуважения к вам.

Не сомневаюсь, есть разные способы попасть за ворота той цитадели: политика, или, может быть, медоточивые слова, которые так и текут в чужие уши из уст образованных книжников. Обман, хитрость, облачение в маски, которые заставят этих нечестивых кудесников опустить мост и встретить гостей с распростертыми объятиями. Так вот: я не владею ни одним из этих способов. Я не человек красивых слов. Я – человек диких лесов, крутых гор и быстрых рек, и могу рассказать только о самом простом и примитивном способе, который поможет

вам достичь замка Цеорис. Его план я и изложу вашему писцу.

Путь к замку

Вместе с письмом я вышлю карту. Я отметил местоположение Цеориса на ней относительно наших земель. Он находится в недрах гор, наверняка известных вашим подданным как трансильванские Альпы, примерно в восьми лигах к востоку от верховья реки Арг, в тех же горах. Восточнее него еще возвышаются горы Миндра и Негой. Примерно в семидесяти милях вранова полета к югу и востоку от него расположен Бухарест. В двухстах сорока милях вранова полета к северу и востоку находится Будапешт. Возможно, ваши подданные ждут услышать от меня, скорее, количество дней в пути, чем количество лиг и милей. Но его подсчитать уже сложнее, поскольку местность дикая и полная препятствий. Предположим, там будет пробираться небольшой отряд, на лошадях, нагруженный только самым необходимым для защиты и выживания в столь негостеприимных краях. Если выехать из Бухареста и держать путь по не самым холмистым местам и непролазным чащам (какие уж там «врановы мили», понятное дело) – он займет у вас одиннадцать дней. Если выехать из Будапешта – придется путешествовать по реке Дунав, которая наверняка известна вашим подданным как Дунай. Через два дня вы доберетесь до селения, в котором живут женщины, изъясняющиеся только на языке проклятий. У этого селения нет названия, однако я отметил его на карте как «Дурноглаз». Не пейте ничего из того, что они будут предлагать вам – ни воды, ни эля, хотя можно без опаски хлебать то, что они варят в своих больших деревенских горшках. От «Дурноглаза» вас ждет еще одно путешествие длиной примерно в четыре лиги. Если повезет, на него уйдет семнадцать дней; если нет – больше. Весь путь идет в гору, от низин Дунава до скал, где и находится Цеорис. Я слышал от одного из ваших подданных, что этот замок расположен примерно в шести тысячах футов над уровнем моря, хотя я так и не узнал, как же он пришел к такой цифре. Буде возможным держать путь к нему от реки Арг, все путешествие заняло бы не

более дня. Увы, в верховье реки нет брода, а низина тщательно охраняется горгульями.

(Зимой путешествовать было бы не легче, хоть и безопаснее, поскольку замерзшие реки пересекали бы на санях).

Сторожевые посты

В тех краях у треклятых колдунов повсюду торчат их караулки. Такие можно легко и быстро построить из сосновой древесины, а потом – так же легко и быстро пустить на растопку. По моим подсчетам, им нужно всего полдня и около двух дюжин смертных рабочих, трудящихся без устали, чтобы соорудить один такой сторожевой пост. Таким образом, они могут перемещать свои постройки то туда, то сюда, чтобы сбить нас с толку. Я бы мог, конечно, отмечать места, на которых видел караулки в последний раз – но что нам это даст? К тому времени, как вы взглянете на карту, они будут уже совершенно в другом месте. Вместо этого я провел на карте пунктирную линию, обозначающую границы; я не видел еще ни одной караулки за ее пределами.

Мне остается только догадываться, с какими силами вам предстоит столкнуться, когда вы наткнетесь на такой сторожевой пост. Тринадцать – ведьмина дюжина, то самое число, которое магики используют в иерархии среди своих подчиненных. Скорее всего, вы столкнетесь, по меньшей мере, с одним отрядом, в котором будет минимум тринадцать закаленных вояк-топорщиков, шесть или семь зорких лучников (которые видят в ночной тьме не хуже сов) и стая горгулей – три или тринадцать этих тварей. (Думаю, нет нужды напоминать вам, что днем, конечно, никаких горгулий не будет). Сколько из этих топорщиков и лучников все еще остались простыми смертными, а скольких уже успели напоить кровью колдунов – этого я сказать не могу. **Изредка я видел даже демонов-посыльных на этих постах, хотя на расстоянии больше одной лиги от замка Цеорис они мне уже не попадались**. Этих тварей устрашится любой враг. Пламя

бьется на кончиках их пальцев. Земля вздымается под ногами по их воле. Порывы ветра, вызванного ими, рассекают живую плоть не хуже клинка, на котором никогда не высыхает кровь. Вода, не выходя из берегов, может всколыхнуться внутри чьей-либо глотки и заставить захлебнуться. Хотя должен заметить, что в последнее время магики показываются на глаза не так часто, как в прошлые десятилетия, и после одного-двух устрашающих фокусов их неистовство быстро ослабевает. Пару раз, натыкаясь на сторожевые посты, я видел, как из них лезли твари столь отвратительные на вид, что я готов поклясться: они лезли из самых черных глубин преисподней. Однако одна из ваших подданных (которая, знаете, еще смеется так, что рядом с ней вино скисает в уксус) утверждала, что эти твари – все те же горгульи, хотя у них нет ни каменной кожи, ни крыльев рептилий.

Время от времени мы захватываем эти сторожевые посты, и мне удалось как следует изучить их внутреннее убранство: пол десять футов шириной и восемь футов глубиной, стены толщиной примерно в полруки. **Словом, это достаточно простые, хотя и достаточно высокие постройки, так что налетчикам приходится попотеть, штурмуя их.** Высота построек – где-то три этажа, плюс еще **сто шестьдесят дюймов** . Самый верхний этаж оставили без крыши, чтобы горгульи могли свободно взлетать оттуда со свои жердей. Смертоносные бойницы в стене укрывают лучников, которым вполне хватает там места, чтобы палить по каждому, кто попытается штурмовать сторожевой пост.

Второй этаж – укромное и теплое место для всех караульных.

Самый нижний этаж отведен под хранение оружия и провизии. Кудесники не озаботились выстлать там чем-нибудь пол, поскольку он не нужен. Никаких ценностей и того, что могло бы сойти за трофеи, я в этих караулках так и не обнаружил. Зато неприятностей в них – хоть отбавляй.

Усердие, с которым караульные бдят покой и безопасность сторожевого поста, - штука такая же неизменная, как женское целомудрие; то есть, сегодня

перебдели, завтра недобдели. Тем не менее, любому отряду, большому или маленькому, трудно будет беспрепятственно проникнуть на сторожевой пост: магики всегда начеку. Сам я, конечно, пробирался туда, но не уверен, что у кого-либо еще хватит опыта, приобретенного мной за годы тренировок. Еще труднее прокрасться мимо горгулий, когда охота приносит им скудное количество дичи и эти голодные хищники готовы унюхать даже самый слабый запах добычи. Не сомневайтесь, мы для них - всего лишь сосуды с кровью. Этим чудовищам все равно, кто ты: дворянин, сохраняющий инкогнито, жалкий смертный или кто-нибудь еще. Но когда горгульи нажрались до отвала и когда волшебники заняты своими делами - тогда и бойцам охотнее сидеть в караулках, играть в кости и травить шуточки, чем рыскать по лесам в поисках непрошеных гостей. Умея не привлекать к себе лишнего внимания, вы сможете прокрасться мимо одного, двух или даже трех таких сторожевых постов, держа путь к замку Цеорис.

Не могу точно сказать вам, сколько сторожевых постов имеются в распоряжении колдунов сегодня или завтра. Чтобы узнать это, нам понадобится захватить всю их территорию, и никак иначе. Но могу подтвердить, что я видел не больше трех сторожевых постов на протяжении всего пути от берегов Дунава до рвов замка Цеорис.

Сидящие в засаде

Караульные могут поджидать в засаде, прячась за валунами, в оврагах или в густой листве деревьев. **Впрочем, они делают это редко, только если вы сами не выдадите себя каким-либо неосторожным действием.** Терпение, с которым эти караульные выжидают в засаде (даже при том, что они могут так никого и не дождаться), доступно не всякому человеку.

Патрули

Наверняка ваши подданные здраво опасаются патрулей, которые бродят по окрестностям замка.Я отмечу на карте еще одну линию - границу безопасности. К северу от нее патрули расхаживают везде, нужно тщательно прислушиваться. К югу от нее их почти нет. Сами по себе патрули почти не представляют опасности для наших лучших отрядов: они всегда состоят из простых смертных, за исключением, разве что, их командира, уже успевшего испить **темного вина**. Лично я не видел в патрульном отряде больше четырех человек - впрочем, я не считаю вылазок самих чаровников, ищущих или преследующих нарушителей в окрестностях Цеориса. Магики собрали такую толпу смертных рабов под своим командованием, что любой падет духом перед их численным превосходством.

Еще более неприятно штукой, чем эти патрули, могут быть только горгульи, свободно **парящие**по округе в поисках пищи. Желая понаблюдать, как эти твари добывают себе корм, так сказать, в естественных природных условиях, не из скудных запасов своих хозяев, кудесники выпускают их в леса на охоту. Некоторые горгульи охотятся поодиночке, но чаще, как я видел, они охотятся стаями, по пять или шесть тварей. Если такая поймает тебя, лучше прикинуться каким-нибудь деревенским ротозеем, слишком далеко забредшим в чащу от своих безопасных охотничьих угодий. Горгульям приказано доставлять в замок пленников, которые могут заинтересовать колдунов, на пытки. А это - еще более горькая судьба, чем встреча с проголодавшимся монстром. Ты можешь чудом избежать зубов горгульи, но никакое чудо не спасет от жестоких "милостей" обитателей замка Цеориса.

Минуя патрули

Возможно, ваши подданные решат, что лучше было бы пройти мимо патрулей не вступая с ними в схватку и не скрываясь от них, а прибегнув к уловке. Сами магики или те, кому приказано явиться в замок, не должны

подвергаться опасности в этих краях. При себе они имеют отличительный знак, обычно - амулет с символом темного знамения. Иногда, впрочем, для безопасного передвижения по землям Цеориса достаточно произнести пароль. Я не раз уже следовал за группой, беспрепятственно направляющейся в замок, и наконец-таки, многими правдами и неправдами мне удалось раздобыть их особый знак. Одного такого знака достаточно, чтобы весь отряд ни у кого не вызывал подозрений. **Правда, в нем не должно быть оруженосцев и слуг**.

Кто же, спрашивается, может лучше обмануть их патрульных, чем такие же патрульные? Простые смертные бойцы приходят и уходят, появляются и исчезают, как мухи по весне. Их число так велико, что невозможно запомнить каждого в лицо. Таким образом, вы можете напасть на небольшую патрульную группу, после чего позаимствовать у них доспехи и воинские значки, и попытаться проникнуть в замок под видом новобранцев. С помощью этой уловки можно многое узнать о замке и делах, которые в нем творятся. Особенно от вояк, которые, на свою беду, слишком свободно болтают пьяными языками. Вы, конечно, должны быть готовы к тому, что вам придется исполнять воинские приказы, даже если вас втянут ими в совершенно неподобающие занятия. Если кто-то еще попытается ворваться в домен магиков - вам придется сражаться с ними на стороне колдунов. Хотя, имея при себе украденные доспехи и воинские значки, перемещаться по территории замка можно свободнее и безопаснее, чем прячась и разыскивая вход. Когда мы выпустили ту штуку, которую вы прислали нам, и которая потом понеслась под землей **бешеным потоком**, издавая такой звук, от которого наши уши чуть не закровоточили, - мы провернули это с помощью все той же уловки. Мы подползли почти к самому краю пропасти, окружающей замок, и не было никакого желания продвигаться дальше.

Но хотя эта хитрость выручала меня самого не раз и не два - вам следует быть аккуратнее с ней. Никто не вызывает таких подозрений, как новобранец, постоянно дурящий головы остальным. Обмануть горгулий или волшебников еще сложнее.

Ловушки

Там, куда колдуны не могут послать свои патрули, они оставляют ловушки. Зорко следите за каждой натянутой веревкой, задев которую, можно получить град ножей или каскад валунов на свою голову с деревьев, а то и острие копья прямиком в сердце. Покрывало из иголок и листьев, которыми почти в любое время года устлан лес, также может укрывать собой непрочные доски, под которыми, в свою очередь, разверзаются глубокие ямы. Тот, кому не посчастливится провалиться в такую яму, может приземлиться на ровный ряд кольев или налететь на камни.

Прочие обитатели

Горгульи - не единственные странные твари, обитающие в лесах близ Цеориса. Я собственными ушами слышал стоны и стенания солдат, давно погибших в их темных чащах. Наши воины, встретившиеся на том свете со своими бывшими врагами, нынче вселяют ужас в тех, кто остался в живых.

Помимо них, там живут и еще более странные твари. Чудовища, скроенные из кусков разных существ. Я видел одну такую тварь, похожую на насекомое с множеством ног, размером с медведя. Оно обрушило свои **стригущие** конечности на одного из моих воинов и выпустило из него кишки, которыми тут же и угостилось. Другие видели существ, похожих на **пласты** кожи, **склепанные** в форме человека, или совершенно отвратительного монстра, который словно был слеплен из крови и кишок всех своих жертв.

Один лесоруб, парень неробкого десятка, как-то раз провалился в яму колдунов, где его поджидало существо, которое, как он описывал впоследствии, было похоже на голову оленя, передвигающуюся на лапках **чешуйницы**. Оно высосало все соки из его глаз и забрызгало его

зловонным гноем с ног до головы. Когда три дня спустя я освободил лесоруба из ямы, пришлось убить его, всадив нож ему в почки. Для него, лишившегося рассудка, это было, скорее, милостью, чем жестокостью.

Здесь моя миссия окончена

Мой сеньор, я рассказал вам все, что знаю о путях и дорогах, ведущих в Цеорис, и их опасностях. Я служил вам верой и правдой в течение пяти лет. Теперь же я смиренно прошу позволить мне вернуться домой, к родным и близким. Пожалуйста, пришлите человека, которому вы доверяете так же, как мне, чтобы я мог рассказать ему, что и как он должен делать. Мои кости уже не те, и по ночам мои беспокойные сны полнятся потоками крови.